

«О ТПРАВЬТЕ ИХ В РАЙ»

Александр МРАМОРНОВ

Пролетарский суд НАД САРАТОВСКИМ ДУХОВЕНСТВОМ

Трагической страницей истории Саратовской епархии стал показательный процесс над духовенством во главе с викарием владыкой Германом (Косолаповым). Об этом громком судебном деле уже писали саратовские историки¹. По мере сил автором этих строк было начато научное изучение материалов процесса². Масштабность происходившего побуждает нас вновь обратиться к тем далеким дням и сосредоточиться на самых ярких моментах этого судилища.

Расправе с представителями духовенства предшествовали следующие события. В начале 1918 года при саратовском исполкоме была организована следственная комиссия. Подобные комиссии должны были стать основой для организации революционных трибуналов в каждой подвластной большевикам губернии (в соответствии с декретом СНК «О суде» от 24 ноября 1917 года). И действительно, уже в марте 1918 года Саратовский ревтрибунал провел свои первые заседания. На самом первом заседании, состоявшемся 18 марта, рассматривалось дело «гражданина И.Ф. Мишукова-Аранского, обвиняемого в агитации среди солдат-фронтовиков за вооруженное восстание против советской власти»³. Следственная комиссия начала функционировать еще за два месяца до начала работы самого трибунала. Конечно, она сразу обратила свой взор и на Церковь, тем более, что поводов для этого было достаточно.

10 февраля 1918 года в Саратове прошел массовый крестный ход, который возглавили епископ Саратовский Досифей (Протопопов) и викариальный епископ Петровский Дамиан (Говоров). По словам очевидца, «настроение среди участников крестного хода было резко оппозиционное большевизму, и это настроение все росло по мере увеличения числа участников крестного хода»⁴. Одновременно прошел целый ряд митингов против политики большевиков; участник одного из них расстрелял двух красногвардейцев, смеявшихся над крестным ходом.

Через несколько дней, 15 февраля, в здании духовной семинарии на квартире ректора архимандрита Бориса (Соколова) прошло собрание духовенства, посвященное обсуждению

Преподобный Герман, епископ Вольский

большевистского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изданного незадолго до этих событий, в январе 1918 года. На собрание пригласили представителей саратовских старообрядцев, лютеран, католиков⁵. Большинство присутствовавших согласилось с тем, что декрет — «начало открытого похода против православной церкви»⁶. На это собрание явились вооруженные красноармейцы для задержания участников, а в это время на квартирах заседавших в семинарии священников (в их отсутствие!) представители исполнительного комитета производили обыски. У одного из них,

настоятеля саратовского Серафимовского храма иерея Михаила Платонова, обнаружили изданные им в 1917 году брошюры «За веру и порядок» в двух выпусках. Первый выпуск был написан и появился в свет еще при Временном правительстве, а второй — сразу после октябрьского переворота. В них содержалась критика происходящего в стране, преимущественно с нравственной точки зрения. От изъятых у отца Михаила Платонова тиражей было взято по несколько экземпляров, а остальные брошюры тогда же уничтожили.

Набранные в ходе обысков эти и другие материалы копилась в следственной комиссии, которая с марта действовала уже не при исполнительном комитете, а при революционном трибунале. Видимо, вновьявленные властители сразу поставили своей целью увидеть представителей духовенства на скамье подсудимых. Но дело двигалось медленно: следователи путались даже в именах священников.

В августе повод для активизации обвинения священнослужителей в контрреволюционной деятельности был найден. Тогда повсеместно распространились известия о расстреле в Екатеринбурге последнего русского царя Николая II. Отец Михаил Платонов по этому случаю произнес проповедь и совершил молитвенное поминовение невинно убиенного. В проповеди священник прочитал отрывки из Второй книги Царств, повествующие о предании Давидом смерти амаликитянина за убийство царя Саула. Параллель была достаточно прозрачной.

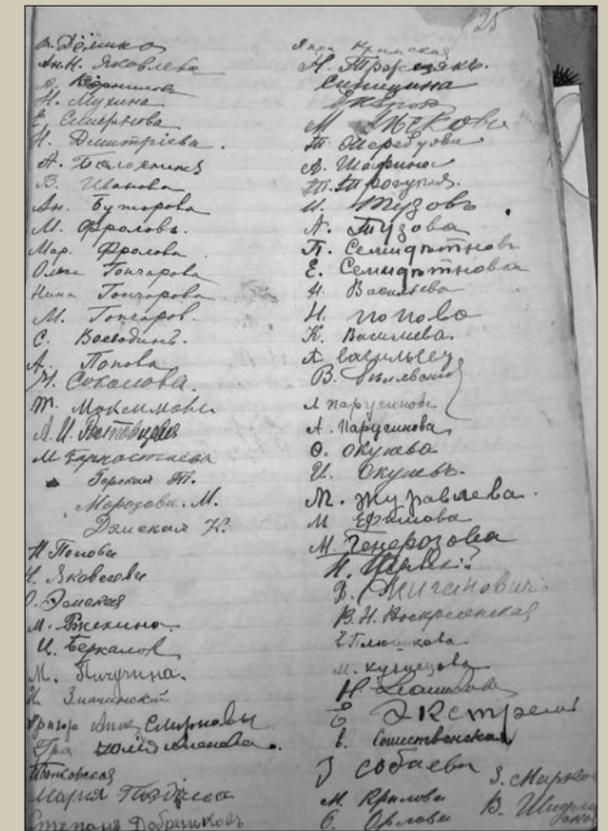
«Известия Саратовского Совета» разразились статьей «Проповедь святого отца», что фактически означало, что находящемуся в вялотекущем состоянии «делу саратовского духовенства» был придан новый импульс. С этого времени закипела бурная работа Следственной комиссии Саратовского революционного трибунала.

23 августа 1918 года священник Платонов был допрошен следственной комиссией ревтрибунала, а на следующий день, в субботу, арестован. Это, в свою очередь, повлекло за собой те события, которые и будут использованы большевиками для организации судебного процесса.

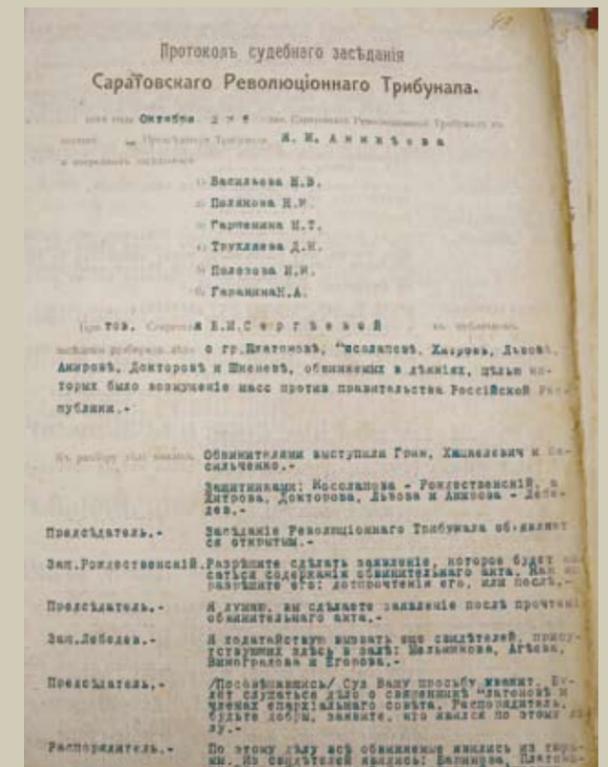
В воскресенье Литургию в Серафимовском храме совершил благочинный, священник Константин Соловьев. На следующий день, 26 августа, он подал рапорт о случившемся в Саратовский епархиальный совет. Благочинный просил епархиальное начальство принять меры к защите священника и дать «руководственные наставления» самому благочинному по поводу того, как надо действовать в подобных случаях. Нужно отметить, что Епархиальный совет, сформированный на принципах, обозначенных Определением Поместного собора 1917–1918 годов «Об епархиальном управлении», начал свою деятельность лишь незадолго до всех этих событий, приняв дела от духовной консистории, свое существование прекратившей.

В состав совета на епархиальном съезде 31 мая 1918 года были избраны: председателем — протоиерей Алексей Хитров, до этого три десятка лет прослуживший простым сельским священником во Владыкине Сердобского уезда, членами: священник Николай Докторов, священник Евгений Шкенева, П.П. Львов и Е.Н. Аниров. Из них только отец Евгенний и П.П. Львов имели опыт (причем достаточно серьезный) участия в делах епархиального управления.

Согласно § 47 определения «Об епархиальном управлении» епархиальный архиерей осуществлял управление епархией при

Один из подписных листов за освобождение арестованных священнослужителей

Стенограмма заседания суда от 5 октября 1918 года

¹ Плякин М.Е., диакон, Теплов В.В. Огонь веры отца Михаила Платонова // Православная вера (Издание Саратовской епархии). 2006. № 5. С. 8-9 и др.

² Мраморнов А.И. Судебный процесс против православного духовенства в Саратове в 1918-1919 гг. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 97-104; Его же. Предыстория и исторический контекст судебного процесса над саратовским духовенством в 1918-1919 гг. // XIX ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. М., 2009. Т. 1. С. 255-263.

³ Саратовский революционный трибунал // Саратовская красная газета. 1918. 27 марта (№ 28). С. 3.

⁴ Р. Крестный ход в Саратове // Саратовские епархиальные ведомости. 1918. № 5-6. С. 81.

⁵ Там же. С. 81; Государственный архив Саратовской области (далее - ГАСО). Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 26. Л. 187 об.

⁶ ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 26. Л. 191.

содействию Епархиального совета. Но в августе 1918 года епископ Досифей находился в Москве на заседаниях Собора, и фактически все дела были возложены им на епископа Вольского Германа, лишь с начала того же года находившегося на кафедре. Владыка Герман очень активно участвовал в делах и регулярно, обычно два раза в неделю, председательствовал в заседаниях Епархиального совета, в соответствии с § 51 того же соборного определения, гласившим, что «Епархиальный Архиерей (а в данном случае — викарный архиерей, его заменявший. — Авт.), когда найдет нужным, председательствует в Епархиальном Совете лично»⁷.

По получении рапорта благочинного епископ Герман устно распорядился не совершать в Серафимовском храме никаких богослужений, кроме треб, исполнение которых было возложено на причт соседнего Крестовоздвиженского прихода, из которого Серафимовский некогда и выделился в самостоятельный.

27 августа владыка Герман в Епархиальном совете сообщил благочинному Соловьеву о том, что состоялось официальное определение по Серафимовскому храму в том же смысле, в каком было выдержано устное распоряжение, сделанное днем ранее. Но указа в тот день не последовало. Официальная, оформленная в установленном порядке реакция на происходящее со стороны Епархиального совета была озвучена лишь 4 сентября, когда был подписан указ благочинному Соловьеву, сообщавший, что 30 августа на прошении прихожан последовала резолюция епископа Германа: «Приходу Серафимовской церкви необходимо принять все меры к освобождению своего пастыря. Если пастырь не жалеет себя ради паствы, то и паства должна самоотверженно защищать своего духовного отца. В просьбе командировать временно священника отказать»⁸.

Этот указ стал для следственной комиссии ревтрибунала удобным предлогом для активизации подготовки показательного процесса против духовенства. В то же время протоиерей Евгений Шкенёв на допросе настаивал на том, что «все меры» — это меры «чисто христианские: просьбы, ходатайства, залог, взятие на поруки и т.п.»⁹, а исполняющий обязанности члена Епархиального совета Н.В. Златорунский, обращаясь к следственной власти по поводу ареста духовенства, приводил в качестве доказательства лояльного отношения Церкви к советской власти факт исправления книги богослужебных текстов, напечатанной в Саратове до революции пятью изданиями, а с приходом к власти большевиков измененной (были удалены молитвы за царя) и растражированной в количестве 10 тысяч экземпляров¹⁰. Организаторам будущего процесса, однако, приводимые аргументы такого рода не казались убедительными.

Следственная комиссия особо заинтересовалась «закрытием» Серафимовской церкви. Но уже 7 сентября Епархиальный совет назначил исполняющим обязанности

приходского священника отца Владимира Добросовестного. Обвинение на процессе будет настаивать на том, что это было сделано после того, как в Епархиальном совете узнали об интересе, проявленном следственной комиссией к материалам этого дела. Напротив, все свидетели отрицали и это, и вообще какие-либо намеки на преднамеренный демарш против советской власти.

Если 16 сентября епископ Герман и члены Епархиального совета допрашивались еще как свидетели, то 19-го числа они были уже обвиняемыми¹¹. 17 сентября все члены совета, кроме протоиерея Евгения Шкенёва, были арестованы по постановлению следственной комиссии ревтрибунала от 16 сентября¹². Естественно, что этот арест фактически парализовал епархиальное управление.

Не удивительно, что служащие Епархиального совета обратились в ревтрибунал с просьбой освободить обвиняемых до суда «для течения деловой жизни учреждения»¹³.

Интересно и то, что на фоне этого коллективного ареста по постановлению от 18 сентября священник Платонов был освобожден от заключения до суда.

Таким образом, в середине сентября возникла версия об «инсценировке» закрытия церкви, о «провокации» со стороны Епархиального совета и оформилась идея расправы практически с полным составом местного епархиального управления. Оставалось дождаться 5 октября — дня, на который было назначено публичное заседание революционного трибунала.

Вступление организации процесса в активную фазу принято связывать с визитом в Саратов Л.Д. Троцкого в сентябре 1918 года. Однако обнаружить надежные свидетельства этой связи пока не удалось (например, в речах Троцкого, произнесенных в Саратове и опубликованных в «Известиях Саратовского Совета», антирелигиозных мотивов нет), но и отрицать эту связь полностью, видимо, невозможно. Вне зависимости от того, давал Троцкий прямые указания по подготовке процесса или нет, его посещение Саратова в большой вероятности содействовало ускорению подготовки показательного судилища.

Процесс готовился большевиками достаточно тщательно. Для прохода на заседание заблаговременно выдавались билеты (в деле сохранился журнал регистрации билетов, выданных тем саратовцам, кто желал присутствовать на заседании трибунала, среди них были служащие советских учреждений и профсоюзов, учителя, врачи, студенты, гимназисты, несколько представителей саратовского духовенства).

На второй сессии процесса, в январе 1919 года, защитник обвиняемых Лебедев справедливо говорил о том, что «перед первым процессом... велась настоящая агитация»¹⁴.

Деяния обвиняемых преподносились в «Известиях Саратовского Совета» в самом извращенном виде. «Причиной ареста,— сообщалось на страницах газеты,— послужило,

Революционный обвинитель Гилель Хацкелевич, 1910 г. (из фондов СОМК)

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ А.И. ГРИНЯ 6 ОКТЯБРЯ 1918 ГОДА

Мы являемся по сравнению с французскими революционерами достаточно мягкотелыми и чересчур снисходительно относимся к ним до сих пор. Не пора ли нам встать на настоящую революционную точку — тем более, что все, что мы наблюдаем, — мы везде видим, какую роль играют эти господа в контрреволюции<и>. Пора взяться вплотную за это дело. Тем более, что мы в настоящий момент живем в период красного террора. При настоящих условиях этот красный террор является не громозвучной фразой, а это целая система, которая будет проводиться <с> железной настойчивостью, в силу крайней необходимости. Если мы от него откажемся, история смахнет нас. И придут другие — и к ним предъявят то же самое требование. Стоит только нам пошатнуться, упасть на одно колено — и к нам кидается со всех сторон вся эта жадная, ожидающая нашей гибели сволочь — и в один момент хочет расправиться с нами. Наше славянское добродушие сделало уж то, что мы потеряли очень многих хороших работников. А у нас ведь их немного. Мы идем в одиночку — и работники у нас все <...> наперечет. А у нас их вырывают: у нас чуть не вырвали Ленина. Довольно нам быть тряпчниками. Ведь мы называем себя революционерами. Я думаю, что мы не будем тряпчниками, а настоящими сынами революции. Вынесите им смертный приговор!

ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 24. Л. 75 об. — 76.

ИЗ ДОПРОСА БЛАГОЧИННОГО СВЯЩЕННИКА КОНСТАНТИНА СОЛОВЬЕВА НА ЗАСЕДАНИИ РЕВТРИБУНАЛА 5 ОКТЯБРЯ 1918 ГОДА

Защитник [Лебедев]. Когда запрещается богослужение, какие формальности сопровождают этот акт и по каким поводам бывает это запрещение?

Свидетель. На этот вопрос ничего не могу сказать.

Защитник. Если бы официально запрещено, антиминс был бы взят?

Свидетель. Раз запрещено, то должен быть взят.

<...>

Защитник [Рождественский]. Вы говорите «запрещение» богослужения. Не правильнее ли было бы «приостановление» богослужения?

Свидетель. Да, я так и выражался.

Защитник Рождественский. В резолюции епископа как сказано: запрещается или приостанавливается.

Свидетель. Да, не запрещается. Буквальное выражение такое: «объявить причту Крестовоздвиженской церкви, что, кроме богослужения, все требы поручается исполнять причту Крестовоздвиженской церкви».

Защитник Рождественский. Вот почему мой сосед по защите вам и указал, что когда запрещается служба, то принимаются меры, которыми предупреждается, чтобы никто не смел исполнять. Вот в данном случае — заперта была церковь?

Свидетель. Никто не запирали.

Защитник. И не опечатана?

Свидетель. Нет.

<...>

Обвинитель [Хацкелевич]. Теперь не можете ли вы пояснить разницу между запрещением богослужения и временной приостановкой?

Свидетель. Запрещение богослужения клонит за собою запечатывание храмов, отобрание антиминсов, и все ключи передаются епархиальной власти.

Обвинитель. Значит, здесь запрещения не было?

Свидетель. Нет.

Обвинитель. Я попрошу огласить книгу исходящую священника Соловьева, где вписан указ.

Председатель оглашает, что там сказано «запрещение».

Обвинитель [Хацкелевич]. Почему же вы сейчас говорите, что это не было запрещение? А у Вас в исходящей сказано: «запрещение богослужения в Серафимовском храме».

Свидетель. Просто так случайно записано.

ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 24. Л. 47 об., 48, 48 об., 51 об.

⁷ Определение Священного Собора Православной Российской Церкви об епархиальном управлении // Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. 1. С. 25-26.

⁸ ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 26. Л. 200 об. Это подлинник указа, присоединенный к делу саратовского духовенства в качестве вещественного доказательства.

⁹ Там же. Л. 210.

¹⁰ Там же. Л. 212.

¹¹ Там же. Л. 206, 208.

¹² Там же. Л. 240.

¹³ Там же. Л. 226.

¹⁴ Там же. Д. 26. Л. 157.

ИЗ ОПРАВДАТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ЗАЩИТНИКА РОЖДЕСТВЕНСКОГО 6 ОКТЯБРЯ 1918 ГОДА

И вот в обвинительном акте дальше написано: резолюция сделана с целью создать слухи среди прихожан, что Серафимовская церковь закрыта советской властью. Я обращаюсь к обвинителям с просьбой: вчера здесь кто-нибудь сказал об этих слухах, что они были? Сказал один, что он где-то встретил кого-то, о чем-то с ним говорил — и тот ему сообщил, что когда-то кто-то ходил к кому-то какой-то совет — и там узнал, что церковь закрыта епархиальной властью. М[о]жно ли на таких слухах останавливаться? А все прихожане говорили, что такого слуха они не слышали. Все знали, что приостановлена служба церковной властью: ключи от церкви были у сторожа. И там только временно отказались назначить священника. Значит, не было и последствий той якобы провокации, о которой обвинители говорили. И советская власть не пострадала ни на секунду от того, что сделал епископ Герман. За что же вы судите его?

<...> Каждый отвечает только за свои поступки. Теперь скажу: если вы не можете привести никаких фактов, которые бы в мрачных красках характеризовали подсудимых, то вы не можете и судить их только потому, что вы хотели бы навязать им чужие грехи. Если у вас поднимается рука бросить в них камень — откуда вы этот камень добыли? Ведь у них производили обыск. Если бы нашли что-нибудь уличающее, то это фигурировало бы здесь, как брошюры Платонова. Если бы вы слышали, что он говорил пастве, и содержание поставили бы ему в вину — но и этого нет: это человек, который случайно сюда попал. Он мало бы[л] знаком с тем, что происходит в канцелярии; он временно замещал здесь епископа. Но что дурного, скажете вы опять, не о том, что было вообще, а что он порицает советскую власть, противодействует ей и т.д. Ведь вы и дайте факты — и возьмите тогда камень. Этих фактов вы не дадите. И я прошу суд вынести в приговоре не то ужасное, на что уже зовет вас, в силу каких-то общих соображений, обвинительная власть, а вынести то, что подскажет вам ваше сердце: оправдание. Этим вы больше поддержите советскую власть, чем бросанием камней. Раздаются аплодисменты.

ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 24. Л. 78 – 79.

как и нужно было ожидать (достаточно характерная оговорка, даже проговорка.— *Авт.*): распространение погромной, черносотенной литературы, церковные проповеди против советской власти как «власти антихристовой»¹⁵. «Распространение литературы» если и имело место, то в 1917 году, а в феврале 1918, как уже выше говорилось, литература у священника Платонова была изъята в ходе обыска и уничтожена. Хронологические несостыковки авторов официальной статьи мало интересовали. Еще через несколько дней, в день начала процесса, «Известия Саратовского Совета» выйдут с передовицей «Смерть попам-предателям».

Наконец, в субботу 5 октября 1918 года в 10 часов утра процесс открылся. Кстати, нельзя не отметить, что большевики специально провели суд в субботу и воскресенье, когда верующие и духовенство традиционно праздновали день Господень участием в вечернем богослужении и Божественной литургии.

Заседание революционного трибунала проходило в зале Саратовской консерватории. Интерес к процессу был необычайный. 6 октября, во время вынесения приговора, огромная толпа окружила здание консерватории, и большевики вынуждены были рассеивать собравшихся оружейными залпами в воздух.

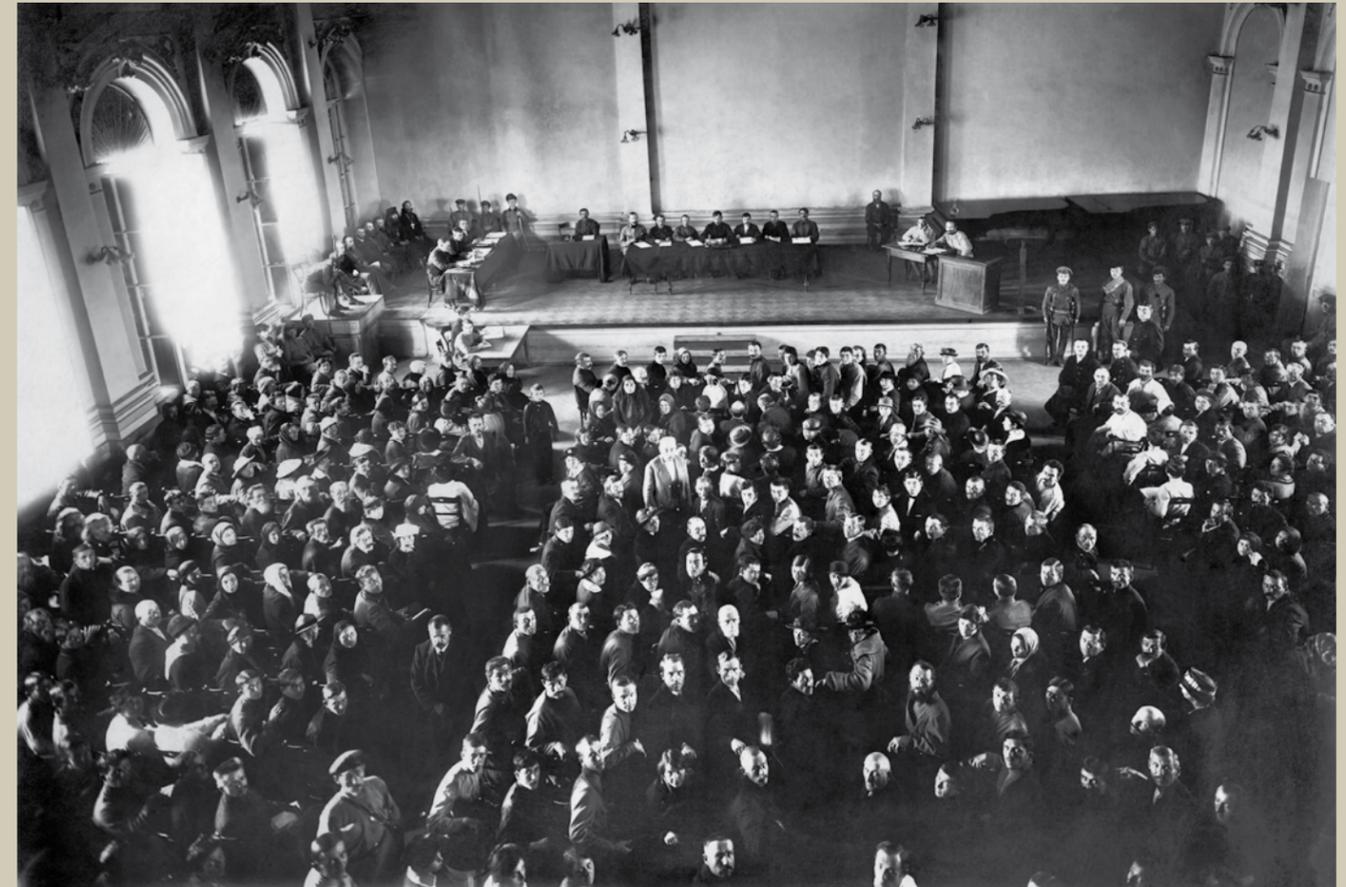
Следует сказать о тех, кто именно должен был судить вольского епископа и саратовских священников. Суд можно считать подлинно пролетарским: в президиуме сидели рабочие «от станка» и активные сторонники партии большевиков. Председательствовал Аникеев Яков Иванович, член партии большевиков с 1901 года, по профессии — слесарь¹⁶. Судьями были: Николай Васильевич Васильев, в прошлом младший унтер-офицер, с 1905 года сотрудничавший с партией большевиков; Поляков Николай Ильич, токарь по металлу, член партии большевиков с 1905 года; Гаршенин Н.Т., мельник, также революционер со стажем. Сведения о судьях Д.И. Трухляеве, Н.И. Полозове и Н.А. Гаршенине пока не обнаружены, но с большой долей вероятности можно предположить, что они были социально и классово близкими вышепоименованным членам трибунала. Безмолвным подтверждением этого является их фотография, сохранившаяся в Саратовском областном музее краеведения (сделана, вероятнее всего, в начале заседания 5 октября).

Обвинители на первом процессе представляли те же социальные группы и ту же партию, что и судьи, но это были гораздо более активные и чуть более образованные люди. Леонид Игнатьевич Грин (Гринь) до революции окончил учительскую семинарию, был народным учителем, с 1905 года состоял в большевистской партии, вел подпольную работу в Петербургской, Пермской и Харьковской губерниях. В революционном 1917 году он оказался в Саратове.

Второй обвинитель, Гилель Давыдович Хацкелевич, был молодым человеком, выпускником Харьковского технологического института. В Саратове он активно участвовал в работе следственной комиссии ревтрибунала, с 3 сентября 1918 года возглавив ее. Хацкелевич погибнет в июне 1919 года в Хвалынском уезде в ходе мероприятий большевиков по борьбе с «десертирами» (простыми крестьянами, оказавшими сопротивление новой вла-

¹⁵ Провокация попов // Известия Саратовского Совета. 1918. № 197 (22 сентября).

¹⁶ ГАСО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 6. Л. 77 об.

Зал судебного заседания

ИЗ РЕЧИ ОБВИНИТЕЛЯ БАХШИНОВА 10 ЯНВАРЯ 1919 ГОДА

Товарищи, если вы верные сыны этой революции, то эта революция требует, чтобы вы окончательно отомстили ее. Вы имеете маленький долг перед революцией, котор<ы>и должны заплатить. Вы должны вынести приговор, подходящий к этой тройке. Если в вашей душе будет сомнение... то, тов[арищи] судьи, горе вам. Вы должны указать этой черной

тройке на их местожительство. Ведь они указывают, что каждый может получить рай на небеса[x] — так отправьте их туда. Пусть они найдут свое место и не будут больше агитировать против Советской власти. В Советской России им не должно быть места.

ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 26. Л. 154.

ИЗ РЕЧИ ОБВИНИТЕЛЯ КОСИЦКОГО 10 ЯНВАРЯ 1919 ГОДА

...Платонов, между прочим, указывает: вот кто стоит во главе Совета: Чхеидзе — грузин, Скобелев — сектант, Керенский — об этом не указано, еврей ли он, грузин ли. В то же время сколько здесь лжи. Во-первых, во главе этого Совета стояли два христианских представителя: Скобелев и Керенский. Правда, один из них сектант, но он христианин. Поскольку даже старым правительством были признаны христианские религии — представители этих религий и находятся во главе Правительства. Но кроме всего этого, заметнее, какая здесь ложь. Он говорит, что Совет управляет всеми. А в этом Совете мог ли быть

Керенский или Скобелев? Тов[арищи] Судьи, не приходится говорить об этом, потому что вы помните, почему Совет был аннулирован /?/ почему Чхеидзе вышел из Исполнительного Комитета. Помните ясно, что ни Керенского, ни Чхеидзе, ни Скобелева не могло быть в этом Совете — а там был Свердлов и Ленин. Во всяком случае, о Ленине нельзя сказать, что он не христианин. Он сын христианина и маленьким жил в деревне, он из христианской среды. И говорить о том, что во главе государства стояли не русские, не христиане — нельзя.

ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 26. Л. 151 – 151 об.

сти, поскольку они не желали терпеть продрозверстку и прочие издевательства эпохи «военного коммунизма»).

Третий обвинитель на октябрьском процессе — Васильченко — может быть с большой долей вероятности отождествлен с пролетарским писателем и журналистом Семеном Филипповичем Васильченко, с 1901 года состоявшим в партии большевиков. Около десяти дореволюционных лет он провел в тюрьмах и на каторге. В 1917 году он возглавил большевиков в Ростове-на-Дону, а осенью 1918 года проживал в Саратове. В 1920-е годы — сотрудник журнала «Каторга и ссылка», а в 1937-м был расстрелян. Обвиняемые на октябрьском процессе обратились к помощи профессиональных присяжных поверенных — Лебедеву и Рождественскому. Защита в самом начале заседания 5 октября сделала заявление о необходимости отделить обвинение священника Платонова от обвинений, предъявленных епископу Герману и членам Епархиального совета.

Все свидетели, выступившие на процессе, фактически подтвердили слабую связь дела о распространении священником Платоновым брошюр и дела о закрытии Серафимовской церкви, якобы инспирированном Епархиальным советом. Никто из свидетелей не подтвердил наличия какого-либо заговора и даже наличия слухов о том, что церковь была закрыта советской властью (об этом шла речь в обвинительном заключении).

Несмотря на все это и на усилия защиты, приговор трибунала, вынесенный 6 октября, оказался весьма суровым: священник Михаил Платонов был приговорен к расстрелу, епископ Герман и протоиерей Хитров к 15 годам тюрьмы «с применением общественных работ», остальных обвиняемых как «пассивных участников» суд приговорил к 10 годам заключения условно.

Вскоре после вынесения приговора последовали кассационные жалобы священника Платонова, епископа Германа и протоиерея Хитрова во ВЦИК. Отец Михаил указывал на то, что защищал себя сам, но ему был навязан официальный защитник Вареник, который по сути дела присоединился в своем выступлении на процессе к обвинению; что не был допущен ни один общественный защитник; что на процессе выступал вызванный обвинением эксперт — некий сионист Линьков и т.п.

Владыка Герман, прося его освободить до принятия решения по кассации, своими поручителями назвал епархиального архиерея Досифея (Протопопова) (под его же поручительство просил об освобождении и протоиерей Алексей Хитров) и заведующего педагогическим музеем и курсами К.Я. Виноградова¹⁷. Священник Платонов просил о том же под поручительство 38 человек, очевидно, в основном своих прихожан¹⁸.

Одновременно жители Саратова и Вольска начали сбор подписей за помилование приговоренного к расстрелу священника Платонова и за освобождение епископа Германа. К делу приобщены листы (более 70). На них — имена около десяти тысяч саратовцев. Православные граждане Саратова сообщали, что осуждение Платонова к расстрелу кажется им «каким-то роковым недоразумением», подчеркивая, что проповеди священника были опубликованы еще тогда, когда была объявлена и действовала свобода печати, и просили пересмотреть его дело¹⁹.

Скамья подсудимых. Крайний справа — священник Михаил Платонов, рядом — епископ Герман (Косолапов)

Около 3000 подписей поставили под другим прошением жители Вольска. Они просили отпустить епископа Германа на свободу, отмечая, что он «занят был исключительно своим архипастырским служением, не вмешиваясь совершенно в политическую жизнь страны»²⁰. Несмотря на все эти меры со стороны осужденных и их многочисленных защитников, всем троим в освобождении было отказано.

12 ноября 1918 года заключенные попросили ревтрибунал освободить их по объявленной 6 ноября Всероссийским съездом Советов амнистии. Трибунал отклонил просьбу ввиду того, что кассация по делу продолжала оставаться на рассмотрении в Москве²¹. Возможно, кассация была бы уже рассмотрена к тому времени Верховным трибуналом, если бы не беспечность (или умысел?) сотрудников Саратовского ревтрибунала, которые выслали дело в Москву не казенной посылкой (как требовалось), а обычной почтой (при пересылке по которой оно вообще могло пропасть, особенно учитывая то, что страна фактически находилась на военном положении). Сама отсылка тоже была задержана: дело отправили в Москву лишь 8 ноября, почти через месяц после подачи кассационных жалоб. Получено оно было лишь 23 ноября и почти сразу рассмотрено Верховным трибуналом²².

Хотя обвинительная коллегия Верховного трибунала в своем заключении от 26 ноября рекомендовала оставить приговор в силе, Кассационный отдел все же 7 декабря 1918 года отменил приговор Саратовского революционного трибунала от 6 октября, выслал дело обратно в Саратов и предписал рассмотреть его в заседании трибунала вторично²³. 9 декабря об этом сообщили заключенным, но отпустить их из-под стражи

¹⁷ Там же. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 24. Л. 90.

¹⁸ Там же. Л. 92, 92 об., 94.

¹⁹ Там же. Л. 100.

²⁰ Там же. Д. 26. Л. 9.

²¹ Там же. Д. 24. Л. 181.

²² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-1005. Оп. 7. Д. 44. Л. 10-11.

²³ ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 24. Л. 184, 188, 189.

Судьи из «народа»

ИЗ ЗАЩИТЕЛЬНОГО СЛОВА СВЯЩЕННИКА МИХАИЛА ПЛАТОНОВА 6 ОКТЯБРЯ 1918 ГОДА

Господа судьбы! Против меня вчера был прочитан обвинительный акт, сегодня произнесены три речи: одна спокойная, вторая ругательская и третья в высшей степени неточная. И наконец, сейчас произнесена речь защитника, всего более для меня неприятная. Прежде всего, я желал бы начать свою защиту в порядке этих речей, но сначала скажу несколько кратких возражений по поводу того, что пришлось выслушать. Первый обвинитель обвинял меня в том, что я пользовался Библией, а не Евангелием, но он, вероятно, не знает, что Евангелие есть, в сущности, часть той же Библии. Он говорит, что я мало приводил мест из Евангелия и ничего не привел из Нагорной Проповеди. Но наоборот, на 45 странице вот что говорится: / читает нагорную проповедь/. Вся нагорная проповедь приво-д<и>тся здесь до конца. Затем, есть еще поднагорная проповедь. Если обвинитель говорит об этой новой нагорной проповеди, вроде как защитник рекомендует внести в церковь новое Евангелие — то я и об этой говорил много лет. Она читается таким образом: в христианской говорится: блаженни нищие духом — в новой: несчастны нищие духом. Затем, в христианской: блаженни плачущие, яко тии утешатся — в новой: несчастны плачущие. Далее в христианской: блаженни кроткие, яко тии помилованы будут — в новой: несчастны плачущие [так в тексте. — Ред.]. И т.д. Я эту новую нагорную проповедь не порицаю, а ее осуждаю. Второй обвинитель указал, что я вчера очень извертывался по вопросу, как я смотрю на советскую власть. Я и сейчас повторяю, что вчера говорил: в первые дни после октябрьского переворота я советскую власть считал безусловно незаконной, ибо тогда было что-то вроде чехарды. Когда она установилась, я считался и считаюсь с ней как с фактом — и считал должным слушаться и повиноваться ей, поскольку она не нарушила моих религиозных убеждений и не требовала, что[бы] моя совесть религиозная

была подавлена. Так я говорю и сейчас. Обвинителю кажется неприемлемым: признавать всякую власть. А вдруг она окажется в руках людей, совершенно негодных: грабителей, воров и т.д. Я и такую власть признаю, подобно тому, как деньги, например, находятся ли они в руках тех или иных людей — они остаются деньгами и ко мне это не относится... /несколько слов не слышно/. Так я говорил. И вообще обвинитель напрасно говорит, что я приветствую якобы советскую власть и готов с ней целоваться. Я этого не говорил. Целоваться с советской властью я не думаю, но признаю ее как факт и считаю, что я обязан ей подчиняться и повиноваться. Налгает она на меня налоги — я плачу, вызывает в суд — я иду, приходят с обыском — я не противлюсь, а представляю все для осмотра: я не протестую против этого. Но я протестую, когда нарушаются мои христианские права и обязанности. Если бы, например, советская власть вместо Евангелия Христова ввела новое евангелие, где говорится «несчастные» вместо «блаженны», тогда я не соглашусь на это. Пусть меня, как ни назовут, что хотят сделают — я этого не послушаюсь. Если же это Евангелие как Христово, тогда в ножки по[к]лонюсь. Затем обвинитель очень раздосадован тем, что я очень спокойно вел вчера себя здесь, что мне предъявляются такие-то обвинения и я так спокоен, высказываю свои монархические убеждения. Очевидно, он хочет сказать: ничего этого нет, мол, и это только хотят показать. Но, товарищи, я и сейчас спокоен, хотя вы и вынесете мне смертный приговор: разве я сказал, что небо пусто? Я верю, что небо не пусто, что там есть жизнь — и я не верю в смерть. Если вы меня убьете — я буду жить. Если вы говорите, что наука и религия есть что-то противоречивое, — я говорю — нет. Я религию признаю и верю ей на основании науки и разума.

ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 24. Л. 82 — 82 об.

до получения подлинных бумаг из Москвы председатель трибунала запретил.

В результате повторной просьбы революционный трибунал всё же принял решение отпустить епископа Германа и протоиерея Хитрова до нового заседания суда, намеченного на 28 декабря²⁴. 19 декабря владыка и отец Алексей были отпущены на свободу. Заседание суда 28 декабря было отложено по причине неявки большого числа свидетелей (на неявившихся накладывался штраф в 200 рублей)²⁵.

Наконец, повторное заседание состоялось 10–11 января 1919 года. Оно проходило, как и первое, в течение двух дней, но оказалось гораздо более напряженным и затяжным: в первый день заседали с 10 часов утра и до полуночи.

Ход заседания отличался от того, как оно велось в октябре председателем Я.И. Аникеевым. Иную манеру ведения процесса новым председателем трибунала А.Ф. Павловым чувствовали и сами участники суда. Так, защитник Лебедев отмечал, что на втором процессе «заседание ведется [гражданином] председателем не сухо-формально, а допускается живой обмен мнениями». Правда, такой характер суда не слишком изменил его сущность, его направленность: священник Платонов получил 20 лет лишения свободы. Епископ Герман был приговорен к 15 годам заключения «с принудительными работами». Протоиерей Хитров получил 10 лет условно²⁶ и уже в том же январе 1919 года возвратился к исполнению своих обязанностей члена Епархиального совета²⁷. В его случае сыграла роль очевидная, яркая поддержка со стороны прихожан, которые свидетельствовали о его многократной и бескорыстной помощи односельчанам в период его четвертьвекового служения настоятелем храма села Владыкино Сердобского уезда.

21 января епископ Герман подал кассацию и прошение председателю ревтрибунала об освобождении до вынесения решения по кассации. В просьбе было отказано, хотя в ней, как и на процессе, вновь убедительно говорилось о недопустимости объединения дел Платонова и Германа в одно²⁸. 11 февраля владыка в своем заявлении в революционный трибунал просит его жалобу «оставить без движения и в Кассационный Отдел для рассмотрения не направлять»²⁹. Судя по всему, это было сделано в силу того, что арестованный все еще рассчитывал на амнистию 6-го съезда советов, которая могла быть к нему применена и после вынесения вторичного приговора. С просьбой об этом он обратился в ревтрибунал 28 марта 1919 года (не ясно, правда, почему между двумя прошениями прошел такой огромный срок). На этом прошении стоит резолюция, принадлежащая, судя по всему, председателю саратовского ревтрибунала А.П. Артамонову³⁰: «Амнистировать. Освободить досрочно»³¹.

Однако 4 апреля на это решение поступил кассационный протест наиболее яростного обвинителя на процессе Л.И. Гриня, который мотивировал свою просьбу об отмене решения об освобождении тем, что тройка распорядительного заседания трибунала, выносившая решение об отмене, «была составлена из новых лиц: никто из них не был в семерке, выносившей приговор»³².

5 апреля епископ Герман был освобожден. 10 мая 1919 года он даже выехал в Вольск³³. 13 мая Саратовский ревтрибунал предписал вольской милиции арестовать владыку, так как Кассационный отдел Верховного трибунала, рассмотрев ходатайство обвинителя Гриня, 26 апреля отменил апрельское решение трибунала о применении амнистии³⁴.

До октября 1919 года епископ Герман и священник Платонов находились в тюрьме. В ночь с 9 на 10 октября они были расстреляны по решению губернской ЧК, то есть в итоге они были репрессированы во внесудебном порядке³⁵.

Церковь обрела новых святых, а в истории нашей страны произошла очередная трагедия, не первая, но и далеко не последняя: сколько еще подобных чудовищных злодеяний будет совершено в большевистской России!

Суд над саратовским духовенством можно по праву назвать пролетарским, хотя такой его характер выражался по-разному: в зале трибунала действительно сидели рабочие «от станка»; управляла событиями партия, называвшая себя пролетарской; вершили расправу над духовенством чекисты, многие из которых искренне верили, что своими действиями приносят пользу «рабочему люду» (впрочем, остальные, легко шедшие на преступления просто ввиду отсутствия нравственных ограничителей, тоже являлись пролетариями — в переносном и впоследствии закрепившемся негативном смысле этого понятия). Что можно сказать совершенно определенно, так это то, что народным суд над саратовским духовенством точно не был. Народ в своей массе безмолвствовал, хотя определенная его часть не побоялась поддержать своих пастырей, поставив подпись в их защиту. Но это была лишь десятая часть населения тогдашнего Саратова!

Дай Бог, чтобы по молитвам священномучеников Германа и Михаила и иных мучеников, расстрелянных в Саратове в октябре 1919 года, наш город и нашу страну больше никогда не охватили ненависть и злоба, царившие во времена Гражданской войны и последующих десятилетий. Пусть и любой суд, который вершится в нашей стране, будет не классовым, не пролетарским, а истинным. ■

²⁴ Там же. Л. 194.

²⁵ Там же. Л. 219–220.

²⁶ Там же. Д. 26. Л. 94–94 об.

²⁷ Его подписи стоят на целом ряде подлинных указов Саратовского епархиального совета благочинному 2-го округа г. Саратова священнику Александру Тихову, датированных 1919 г. (см. Саратовский областной музей краеведения. Инв. № СМК 66311, 66315, 66316 и др.; наиболее ранний указ, подписанный о. Хитровым, датирован 24 января 1919 г. - Инв. № СМК 66344).²

²⁸ ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 26. Там же. Л. 163, 168.

²⁹ Там же. Л. 170.

³⁰ Судя по всему, он сменил в должности А.Ф. Павлова и оставался в ней весь остальной период существования Саратовского революционного трибунала до судебной реформы 1922–1923 гг. (см. ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 3. Д. 169. Л. 11).

³¹ ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 26. Л. 174.

³² Там же. Л. 176; ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 7. Д. 44. Л. 22.

³³ ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 26. Л. 179.

³⁴ Там же. 181, 183 об.

³⁵ Плякин М.Е., диакон, Теплов В.В. Указ. соч. С. 9.

НАШЕ ЧТЕНИЕ